

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ФИЛОСОФИЯ В СОВЕТСКОМ АНДЕГРАУНДЕ: ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ¹

КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна – д-р филос. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет. E-mail: car-car@inbox.ru

Аннотация. Широко распространено мнение, что философия в Советской России закончилась в 1922 году, после отплытия «философского парохода». Таково мнение многих ведущих историков русской философии (Н.О. Лосский, О.В. Зеньковский). В эпоху господства «марксистско-ленинской философии» о самобытной философской мысли, казалось бы, уже нельзя было говорить. Однако после 1950-х гг. ситуация существенно изменилась: появились неформальные лидеры, оригинальные исследовательские программы, самостоятельные теоретические концепции, а главное – настоящие школы философского мышления. География наиболее известных «домашних семинаров» довольно разнообразна: Москва, Ростов-на-Дону, Новосибирский Академгородок, Минск. Эти группы и объединения не были институализированы, заседания проводились в собственных квартирах. Участники семинаров не обладали никакими социальными привилегиями. Возникло своеобразное социокультурное явление – советское философское «подполье». В статье анализируются мотивы и поведенческие стереотипы философской молодежи, приводящие к необходимости работать именно в таком формате. Особое внимание уделено внутреннему устройству Московского методологического кружка, лидером которого был Г.П. Щедровицкий.

Ключевые слова: русская философия, марксистско-ленинская философия, неформальные философские объединения, советский философский андеграунд, поведенческие стереотипы, Московский методологический кружок

Для цитирования: Кузнецова Н.И. Философия в советском андеграунде: практики выживания // Высшее образование в России. 2016. № 5 (201). С. 80–91.

Сложилось вполне устойчивое мнение, что в Советской России вообще не было и не могло быть философии, если понимать под этим свободное творческое мышление, обсуждающее самые радикальные вопросы человеческого и социального бытия. Российская философия выживала только в эмиграции. После отправки в 1922 г. знаменитого «философского парохода» в самой России неизбежно наступила эпоха «философского молчания». Причина этого – диктат марксизма-ленинизма, т.е. запрет на какое бы то ни было *иное* мировоззрение, «железный занавес», не позволяющий чи-

тать и цитировать «буржуазных» авторов и исключаящий возможность работать в горизонтах мировой философской мысли. Картина удручающая.

Н.О. Лосский совершенно категоричен в своих оценках: «В СССР диалектический материализм – партийная философия, имеющая дело не с отысканием истины, а с практическими нуждами революции. Пока СССР управляется властью, которая подавляет всякое свободное исследование, диалектический материализм не может рассматриваться как философия»². Протоиерей Василий Зеньковский подчеркивал, что

¹ Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Kronos (Kusnetsova N. Soviet Philosophical Underground // Kronos. Philosophical Journal. 2015. Vol. 4. P. 136-148).*

² *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 440.

в советской философии нет присутствия личности, нет персональности: «Мы не упоминаем никаких имен, – да ведь там и нет личного творчества – есть лишь одно, свыше одобренное и регулируемое направление (“диалектический материализм”). Ничтожная жалкая, трагическая по существу картина обезличенной мысли тем более страшна, что это удушение свободного творчества длится не один десяток лет»³.

Я хотела бы подвергнуть сомнению общий тезис, согласно которому в Советской России вовсе не было философии. Сегодня это сильно мешает профессиональной коммуникации, поскольку у молодого философского поколения, а также во многих международных издательствах возникла нескрываемая *подозрительность* по отношению к тем авторам, которых относят к «советским философам». Им представляется, что никаких нетривиальных идей в тот период просто не могло быть высказано. Я хотела бы выявить и предъявить опыт выживания философского мышления в тех социальных условиях, когда действительно этот тип мышления был под жестким идеологическим запретом. Такая тема относится, на мой взгляд, к проблематике «экологии мышления», «экологии культуры». К сожалению, следует признать, что наш нелегкий опыт вновь актуализируется, хотя причины, заставляющие «выживать» философское мышление, уже иные, чем в советскую эпоху. Думаю с горечью, что подобная тематика интересна отнюдь не только в историческом (ретроспективном) ракурсе.

Катакомбная культура и философское подполье

Знаменитый российский скульптор Эрнст Неизвестный одним из первых озвучил и обнародовал самоощущение творческой молодежи того поколения, которое

появилось на арене советской истории после Второй мировой войны (для всех россиян – *Великой Отечественной войны*). Он писал: «Понятием “катакомбная культура” воспользовались я и мои друзья в 1949 году для того, чтобы определить, чем мы хотим заниматься. Я в то время учился в Академии художеств и одновременно на философском факультете МГУ и обнаружил, что при существующей системе образования мы, после огромных трудов и нагрузки, выйдем из университета безграмотными людьми. О Ленине мы узнавали от Сталина, о Марксе мы узнавали от Ленина и Сталина, о Дюринге мы узнавали из “Анти-Дюринга”. Программы были раздутые, и сил просто не хватало прочесть всю эту муть...»⁴. Должна заметить, что и я, будучи студенткой философского факультета МГУ уже в 1960-е годы, попала примерно в такую же ситуацию, за исключением необходимости изучать труды товарища Сталина (XX съезд КПСС, осудивший культ личности вождя, прошел в 1956 г., и все сталинские труды были удалены из наших библиотек). Но по сути все оставалось по-прежнему: про Гегеля мы узнавали из «Философских тетрадей» Ленина, про Фейербаха – из Энгельса («Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»), а про Маркса – опять из Ленина («Три источника и три составных части марксизма»). Понятно, что философия XX столетия почти выпадала из поля зрения, так как наши тщательно штудируемые классики оставались в пределах веков предшествующих.

Уже в начале 1970-х годов при знакомстве с М.А. Розовым (впоследствии он стал моим научным руководителем) я поинтересовалась, где и как он получил свое профессиональное образование. Розов взглянул на меня с иронией и ехидно ответил: «А я – самоучка!» В ответ на мое изумление продолжал: «Вы же не можете сказать, что че-

³ Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л., Т. 2, ч. 2. С. 53.

⁴ Неизвестный Э. Катакомбная культура и власть // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 3.

ловец, который закончил философский факультет Ленинградского университета им. А.А. Жданова в 1955 году, получил хоть какое-то образование?!» Я, естественно, сразу согласилась. Позже Михаил Александрович рассказывал в ярких красках, как его, студента, едва не исключили из комсомола за то, что, как было замечено, он читал Гегеля по-немецки... Ограничились, к счастью, только строгим выговором.

Эрнст Неизвестный продолжает: «Я и трое моих друзей создали кружок, чтобы это преодолеть. Мы решили заниматься самообразованием. Никаких политических целей мы перед собой не ставили, да и политических концепций у нас не было. Я не был даже комсомольцем, а один из моих друзей уже был членом партии. Однако мы понимали, что самообразовываться надо широко и что чтение, скажем, Троцкого, или святого Августина, или Оруэлла, или Бердяева — наказуемо. Поэтому и нужна конспирация. Была создана структура по принципу каткомбного общества... Только четыре человека знали, что делают. Остальные принимали косвенное участие. <...> Если бы нас власти спросили — занимаемся ли мы политикой, мы вынуждены были бы ответить искренне, что нет. Но в стране, подобной нынешнему СССР, и знание является политикой. Поскольку мы знали, что создание любой серьезной группы карается законом, мы разыгрывали из себя веселых пьяниц...»⁵. В этом замечательном остроумном рассказе важно отметить следующее: во-первых, «катакомбы», «подполье», «тенева работа» — эти слова могут вызывать неприятие у нынешней молодежи и так называемых «социологов знания», так как возникают ненужные коннотации. Слышу эти возражения постоянно: «О каком *подполье* говорится, если можно было работать в академических институтах, защищать диссертации, преподавать, выступать на конференциях и даже публиковаться — не в Самиздате?!»

⁵ Там же. С. 3.

Никакой серьезной конспирации, паролей и явок, конечно, не было. Однако как историк я должна решительно заявить: нельзя подвергать критике *самоощущение*, *самоназвание* того поколения, которое предполагают *изучать*. Во-вторых, хочу обратить внимание на то, что главная маскировка группы Эрнста состояла в том, чтобы изображать «веселых пьяниц».

В нашем случае все было несколько иначе, хотя похоже. Расскажу весьма кратко о некоторых философских кружках, особенностях их работы периода 1960–1970-х годов. Я была непосредственным участником этой работы, иногда сама создавала такие кружки. Мне также хотелось бы выявить те поведенческие практики, которые позволили нам не быть «уличными» и «разоблаченными» властью. На какие вопросы я кратко хотела бы ответить? Их несколько: в каком социальном пространстве мы находились? Каков был тип (стереотип) нашего поведения? Какова была возрастная группа и «идейная база» того интеллектуального движения? Каковы были формы работы нашего «философского подполья»?

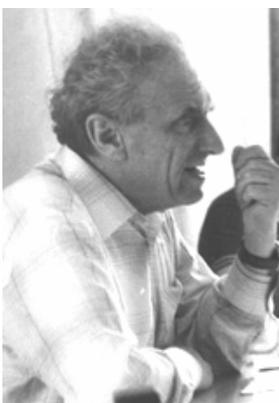
Разнообразие домашних семинаров

Итак, уже в конце 1950-х, но особенно активно в период 1960-х годов (время хрущевской политической «оттепели») расцвели так называемые домашние семинары. Я упомяну здесь только некоторые хорошо мне знакомые и именно философские кружки. Сами по себе домашние заседания были приняты в самой различной культурной среде: у историков, филологов, искусствоведов, в среде творческой интеллигенции (художников, кинематографистов, архитекторов). Были популярны такие неформальные сборища даже в среде научных работников негуманитарного профиля (математиков, географов, геологов и др.). В сугубо философской среде отмечу только пятерых лидеров, вокруг которых собиралась «доверенная» и «посвященная» молодежь.

Михаил Константинович Петров (1923–1987) работал в Ростове-на-Дону. Невероятно одаренный, оригинальный

мыслитель, к тому же не имевший языковых барьеров для знакомства с зарубежной литературой (во время войны работал военным переводчиком), он читал и говорил на французском, немецком и английском, много реферировал исключительно интересную западную литературу. Он был, что называется, «русский европеец»; в Москве, где он бывал часто, его дружелюбно величали на французский манер, акцентируя эту важную европейскую роль, – Мишель Петров. Уже тогда в нем не было и следа «марксизма-ленинизма». Он высказал ряд крайне оригинальных идей относительно генезиса греческой философии, по сути, открыл для нас социологию науки, занимался глубинной социокультурной историей западноевропейских университетов и т.д. Но книги его в полном объеме выйдут только в последние годы, так как писать он был вынужден «в стол», права преподавания философии и собственных публикаций был лишен.

Владимир Соломонович Библер (1918–2000) – московский философ. В течение более трех десятилетий вел домашние семинары в собственной небольшой квартирке (около метро «Речной вокзал»), был очень

популярен среди историков, особенно у отечественных медиевистов, оказал огромное влияние на сообщество психологов и педагогов. Любимые идеи – «мышление как творчество», «диалог культур». Это стало его методологическим и педагогическим кредо.

Михаил Александрович Розов (1930–2011) работал в легендарном новосибирском Академгородке, причем в период рас-

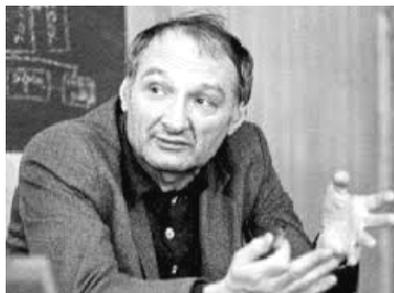

цвета этого наукограда, в период его наибольшей продуктивности, самых романтических взлетов научной мысли. До сих пор самобытная «сибирская философия» ассоциируется с

его именем, хотя в 1981 г. он переехал в Москву. Основные интересы – эпистемология и философия науки. Систематическая работа новосибирского философского семинара базировалась на созданной Розовым оригинальной исследовательской программе (теории социальных эстафет).

Надо отметить семинар в Минске под руководством *Вячеслава Семеновича Степина* (род. в 1934). Он также переехал в конечном итоге в Москву, реализуя в годы горбачевской перестройки и нового социального контекста сногшибательно успешную карьеру: стал академиком, директором Института философии, академиком-секретарем Отделения общественных наук Российской академии наук, добился международного признания. Семинар Степина в Минске проходил в содружестве с известными физиками, основной интерес – реконструкция генезиса теории электромагнитного поля Максвелла. Именно эта реконструкция послужила основой для обобщающих эпистемологических построений.

Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) работал в Москве и хорошо известен почти всем слоям московской интелли-

генции. Незабываемая, яркая личность, он сумел создать не просто домашний семинар, но особое интеллектуальное движение, которое оформилось почти по образцу знаменитого Венского кружка. Вокруг Георгия Петровича как харизматического лидера возник Московский методологический кружок (ММК). Его влияние не только на формирование идей, но и на саму форму семинарской работы публично признавали и Розов, и Степин. В рамках ММК я сама сформировалась как философ-профессионал. Поэтому об устройстве семинаров Щедровицкого расскажу более подробно.

Почему приходили на семинары? Поведенческие стереотипы

Сегодня мне кажется, что молодежь послевоенная словно с молоком матери усваивала неодолимое желание «изменить мир». Еще в школьные годы эта глухая тоска обретала какие-то очертания, проявлявшиеся уже не просто в желании самообразования, а именно в поисках форм организации для изменения мира «к лучшему». Эта тяга приводила к появлению «стиляг», позднее – к усвоению мировоззрения хиппи и панков, довольно многих – к путешествию на грандиозные социалистические стройки типа Байкало-Амурской магистрали (БАМ) или Саяно-Шушенской ГЭС, освоению целинных земель и т.п. Это уже не погружение в «катакомбную культуру», а поиски того, что называют «контркульту-

рой». Что касается философской молодежи, студенчества 1960-х годов, то мы будто с детства душой (нерационально) усваивали один из постулатов Маркса («Тезисы о Фейербахе»): «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Мы жаждали перемен, но – как это сделать? Счастливым образом этот вопрос можно было задать самому Георгию Петровичу, который вел студенческий кружок на философском факультете МГУ (отделение психологии). Эти разговоры возникали спонтанно, однако периодически. Его ответы были примерно следующими: «Всемирная история учит: революция начинается с идей, т.е. – *в головах!*.. Необходимо учиться правильно мыслить, жить в сфере мышления – это трудно, трагедия наша в том, что потеряно, отменено *само мышление!*.. Мышление – это *образ жизни!*» Если молодые люди проявляли здесь искреннее понимание, то следовало приглашение на домашний семинар (тогда заседания проходили в личной комнатке Щедровицкого, в родительской квартире около метро «Сокол»). В комнате могли разместиться не более 15 человек (на раскладных стульчиках). Зато в такой обстановке ты сразу чувствовал себя «посвященным».

Тематика заседаний не предполагала ничего политического или идеологического. Подобные разговоры велись только на кухне (телефон скрывался под подушкой). Ничего диссидентского! На семинарах бурно обсуждались проблемы логики, историко-философские сюжеты, методологические проблемы психологии и педагогики и тому подобное. Главное, за чем следил наш лидер, – *правильное мышление*. Подчеркну: не какое-то свободное, оригинальное мышление, а именно – происходящее *по правилам*. (Позднее на моих семинарах меня часто спрашивали: «Правильное мышление? А кто сформулировал эти правила?» Действительно – кто? Вероятно, сама история человечества...)

Надо отметить: несомненно, в каждом таком семинаре (особенно если они были постоянными, систематическими) рано или поздно появлялся доносчик (или даже не один). Как правило, их опознавали, но не прогоняли. Однако «стукач» был сбит с толку: на заседаниях не говорилось ничего крамольного в идеологическом или политическом смысле слова. А чем может грозить власти «правильное мышление» – это было непонятно. К тому же на заседаниях семинара Щедровицкого царил непременный ритуал: все записывалось на магнитофон, и любая информация всегда могла быть предоставлена в «органы» (что впоследствии случилось, но анализ пленок ничего интересного офицерам КГБ не дал).

Как ни странно это звучит, мы обозвали наш стихийно сложившийся тип поведения во внешней социальной среде «швейкованием». Появился и соответствующий рецепт поведения. Нет, мы не были «веселыми пьяницами», но знаменитый литературный герой Ярослава Гашека послужил замечательным образцом для подражания. Действительно, кто такой бравый солдат Швейк? Это простодушный и наивный, весьма говорливый «маленький человечек»; к своим общественным обязанностям он относится как-то своеобразно... В конечном итоге его оставляют в покое, потому что Швейк – «идиот».

Как же мы могли подражать Швейку в нашей ситуации? Это был роскошный способ «уклонения»! Мы не бунтовали и не протестовали, мы избегали – подписывать письма-осуждения или письма-приветствия, вступления в партийные ряды, участия в обязательных митингах и демонстрациях. При этом весьма охотно, с энтузиазмом отвечали на все вопросы (подобно бравому солдату), если вызывали на бюро комсомола, партком или в КГБ. Если такое случалось, мы были говорливы, как наш герой. И все это не в знак протеста, а по – *простоте души*... Последствия «швейкования» для семинаристов были очевидны:

работая на семинарах, нельзя было сделать никакую карьеру, занять престижное социальное место, защитить, скажем, диссертацию. «Правильное мышление» губительно для всякого внешнего продвижения или успеха. По этой причине на семинарах (особенно в ММК) круг посетителей-зрителей (да и постоянных участников) постоянно менялся.

Но проблема гражданского протеста оставалась и решалась нашими лидерами поразному. Как правило, они были членами КПСС. На партийных собраниях старались быть «уклонистами». Но бывали случаи более серьезные, и самое тяжелое испытание выпало на их долю в 1967–68 годах. Это история так называемых «подписантов». Речь шла о выборе (подписать или не подписать?) письмо в защиту находившихся под следствием (в дальнейшем – осужденных) московских диссидентов Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова.

Напомню некоторые тогдашние советские реалии. Преподаватель философии – это номенклатурная должность, т.е. он в обязательном порядке аттестуется и утверждается парткомами. Исключение из партийных рядов или даже строгий выговор – увольнение с работы. Георгий Петрович Щедровицкий письмо подписал, а Михаил Александрович Розов не подписал, и в новосибирском парткоме это сочли «особой хитростью». В принципе, эта история коснулась в той или иной мере почти всех видных гуманитариев. Среди ближнего философского круга, о котором я говорю, ситуация складывалась следующим образом (перечисляю без подробностей). Нет, никого тогда не арестовали. Щедровицкий был исключен, уволен. Несколько лет семинар собирал для него небольшие суммы, потом с немалым трудом удалось устроить «подписанта» на работу в Союз художников на минимальную зарплату. Розов не подписал роковое письмо, однако обстановка сложилась такая, что он перешел с кафедры философии в Институт автоматике и элект-

рометрии Сибирского Отделения, занимался там «минимизацией булевых функций». Петров написал «вызывающую» антипартийную повесть «Экзамен не состоялся» чуть ранее, был из партии исключен, лишен права преподавания, зарабатывал реферированием иностранной литературы. Степин (чуть позже) также проштрафился, так как доложил своим приятелям выстроенную им концепцию Октябрьской революции. Из партии был исключен, несколько лет работал оформителем ресторанных интерьеров.

Нас, группу студентов философского факультета, от выхода на протестную акцию в декабре 1966 г. удержал Георгий Петрович. Было это так. Мы (человек восемь) собрались у меня дома, приготовившись поутру выйти на Пушкинскую площадь, зайти с плакатами внутрь неработающего заснеженного фонтана и молча стоять там в углублении (чтобы не обвиняли, что мешаем уличному движению), подняв над головой воззвания и призывы к справедливому правосудию, пока... пока не заберут в милицейский «воронок». Георгий Петрович пришел неожиданно (не знаю, кто ему доложил о нашей затее), просидел почти до утра, убеждая отказаться от задуманного. «Как же так? – не понимали мы. – Так ведь скоро всех, покорно молчащих, поведут в концлагерь...» Но наш Учитель настаивал: «Вас всех исключат из университета, причем без права получить любое высшее образование, вы будете лишены права пользоваться научными библиотеками, неизвестно как будете вынуждены зарабатывать на жизнь. Я вложил столько сил в создание семинара, в поддержание мышления, и я прошу вас – во имя более серьезных целей – не совершать этого поступка». И мы сдались, хотя далеко не сразу. Спросили: «А как же подследственные?» – Тут он сказал: «Я понимаю, что в целом семинар должен выразить свое отношение. Письмо подпишу я». – «Но Вас уволят, исключат...» – «Ничего! – он хитро улыбнул-

ся. – Образование я получил, даже степень кандидата философских наук имею. Книжек прочитал много... не страшно!»

Идеология contra мышление.

Конструкт семинара

Почему идеология так тотально враждебна по отношению к мышлению и безжалостно ломает даже не столько содержание, сколько сами правила размышления и принятия решения? Прежде всего, идеология запрещает сомнение. Однажды М.А. Розов предложил такую наглядную модель, поясняя, почему «советский проект» не выдержал и буквально рухнул. Представьте группу туристов, которые отправились в предельно опасный поход (допустим, по горному маршруту). При этом все участники должны дать клятву: того, кто осмелится сказать, что дальше идти предложенным маршрутом нельзя, немедленно сбрасывают в пропасть. Нетрудно представить, как плачевно сложится судьба такой группы... Идеология по природе своей действует только таким образом, так как главное в ней – верность исходной идее. Мышление, как хорошо знает мировая философия, всегда сомневается и по природе предельно скептически. Для идеологии правым будет *большинство*; в мышлении (например, в науке) как правило, на верном пути оказывается *одиночка*, а остальные в дальнейшем с немалым трудом признают его правоту.

Несомненно, для развития философского мышления в советской России немалое значение имели политические «оттепели» – хрущевская и горбачевская, а также некая снисходительность к интеллигенции брежневского периода «застоя». Как уже говорилось выше, в 1950-е годы на философских факультетах обязательно изучались труды Сталина, Ленина, Маркса. В 60-е – труды Ленина, Маркса и Энгельса. Появилось явное разделение в философских публикациях на два «лагеря»: тех, кто цитировал Ленина, и тех, кто цитировал Маркса (немножко – Энгельса). Это было

уже довольно серьезное размежевание по взглядам. Монолит марксизма-ленинизма явно покрывался «трещинами». В связи с этим не могу не поделиться кулуарным высказыванием В.С. Степина. В одном из дружеских разговоров он выразился примерно так: «Нам, советским философам, страшно повезло, что канонизированы были именно Маркс и Энгельс. На трудах Ленина вообще нельзя было бы подняться: он – примитивный сенсуалист в духе материализма XVIII столетия. Гносеологические взгляды Маркса позволяли строить очень нетривиальные концепции».

Мало-помалу начиналось знакомство с «буржуазной» философской литературой. В 1960-е годы (тем более в 70-е) наиболее пытливые студенты и аспиранты начали сосредотачиваться на новой факультетской кафедре «Критика буржуазной философии» и в особом секторе Института философии, созданном для тех же целей. В нашей среде быстро появился анекдот: «Советские философы делятся на две группы: знающих и не знающих английский язык». Те, кто *знал языки*, отправились на свою *критическую вахту*, другие подчеркнуто вызывающе пошли самостоятельным путем, т.е. создавали оригинальные концепции. Это был путь Щедровицкого, Степина, Розова.

Но, вероятно, главное, чем увенчалась работа Щедровицкого, – это создание Московского Методологического Клуба с его непростой внутренней, продуманной структурой. Трудно сейчас сказать, насколько целенаправленно строилась эта форма семинара, который был назван «методологическим» для того, чтобы оттенить его правила и нормы. Скорее всего, эти нормы складывались стихийно. Однако в конечном итоге все было отрефлектировано, и, как оказалось, свод правил выглядел весьма стройным.

В своей зрелой фазе (1960-е годы) семинар Щедровицкого работал в здании Института психологии Академии педагоги-

ческих наук. Институт помещался (и помещается) на Моховой, чуть в глубине по отношению к памятнику Ломоносову. Там очень удобный зал для научных заседаний – две большие доски, стол для председателя, сама аудитория в форме амфитеатра, с поднимающимися рядами. В зале могло помещаться около сотни человек, и на это своеобразное театральное представление собирались интеллектуалы самых разных специальностей и взглядов. Зрелище было настолько привлекательным, что для московских гуманитариев не посетить этот семинар хотя бы раз или два считалось неприличным. Не знать о таком семинаре было невозможно. Он был самым значимым прецедентом в публичном пространстве послевоенной российской философии XX века.

Некоторые предварительные аксиомы методологического семинара можно перечислить. Первая из них гласила: «Мышление – это коллективный эффект». Эту установку Георгий Петрович неоднократно выражал на лекциях, обосновывал в своих докладах, опираясь на проведенные психологические исследования. Иначе говоря, индивидуалистам здесь не место. Тем, кто верил, что «мышление – это функция мозга» (согласно диалектическому материализму), здесь было неуютно. Мышление оказывалось полифоническим, многоролевым социокультурным феноменом. Семинар как бы воплощал в своей работе такое представление о мышлении.

Другая аксиома состояла в том, что методологический семинар должен осуществлять рефлексию средств мышления. Новичкам специально объясняли принцип «перпендикулярного видения». Иначе говоря, слушатели не столько двигаются вслед за докладчиком, чтобы проследить получение того результата, который являлся основным содержанием сообщения, сколько анализируют мыслительные средства, процедуры, операции, которые привели докладчика к его результату, т.е. смот-

рят на его работу «со стороны», рефлексиируют ее, отмечая шаг за шагом все особенности каждого мыслительного шага. Сейчас нетрудно усмотреть здесь пафос аналитической философии, которая завоевала столь серьезное признание на Западе. Но эта установка – осознать каждый шаг, каждую процедуру или операцию – приводила к тому, что обсуждать доклад можно было почти до бесконечности. Как правило, докладчик высказывал один тезис или даже половину своего тезиса, а многоликая аудитория с разных позиций пыталась осознать, что было сделано. На один доклад уходило от двух до восьми заседаний по три часа каждое.

Почему именно три часа было обязательным временем заседания? На это тоже были веские причины. Аксиома третья гласила: все, что говорится во время методологического семинара, должно быть записано на магнитофонную пленку. Ходило много шуточек по поводу того, что отличительной чертой «щедровитянина», независимо от места выступления и темы доклада, является требование предоставить доску, мел и магнитофон для записи. Иначе методолог и рта раскрыть не может. Запись двух кассет магнитофонной пленки (каждая по 90 минут) занимает ровно три часа – вот и время работы семинара. Такая работа была прекрасной школой. Был сформулирован принцип «магнитофонной рефлексии». Расшифровка магнитофонной записи – дополнительный мысленный анализ той «шахматной партии», которая проходила публично, на виду у всех желающих. Если сравнивать с шахматами, то это было похоже на домашний анализ сыгранной партии. Акцентирование роли магнитофона и доски – характерная, специфическая черта. Все, что говорится, должно быть выложено вовне, оставить свои визуально фиксируемые следы: схемы, рисунки, тексты.

Каковы же были правила проведения самого заседания? Здесь можно было во-

очию увидеть различные роли участников семинара. Их насчитывалось шесть. Роли эти никто не распределял, они не были закреплены, напротив, желательным было менять позиции и роли в ходе обсуждения.

Первая роль – конечно, председатель заседания. Роль эта не была закреплена, но чаще всего ее исполнял сам Георгий Петрович. Сегодня функцию председателя чаще называют «медиативной». Иными словами, назначается медиатор (ведущий), задача которого – «рулить» обсуждением, предоставлять слово для вопросов и комментариев. Ведущий мог счесть заданный вопрос неуместным и отклонить его. Мог помочь докладчику, если тот был в затруднении, мог, напротив, остановить доклад, прервать выступающего, если по каким-то причинам считал, что обсуждение заходит в тупик и перестало быть эффективным. Словом, на время заседания председатель – царь и Бог. Но роль эта не закреплялась за постоянным исполнителем, и почти каждый мог стать таковым на три часа заседания. Председатель следил за «регламентом», т.е. обрывал дискуссию в тот момент, когда кассета магнитофона заканчивалась или когда надо было перевернуть кассету на другую сторону. Председатель напоминал, на чем остановилось обсуждение в прошлый раз, и обозначал смысловые связи различных кусочков произносимых текстов. Эта роль была сложной и требовала большого искусства.

Роль докладчика, казалось бы, центральная. Нет доклада, нет и заседания. Но все же это была вторая роль. Назначение докладчика входило в обязанности Георгия Петровича, но очень часто он сам выступал в роли докладчика и тогда безропотно подчинялся распоряжениям председателя. Игровой характер обсуждения никогда не скрывался, хотя страсти были серьезными, нешуточными. Однако теоретические разногласия заканчивались дружескими похлопываниями по плечу, совместными прогулками по Москве, посеще-

нием кафе или вечеринками у кого-то из участников семинара, кто мог себе позволить привести немалую компанию домой и напоить желающих кофе и чаем. Иногда доклады планировались заранее, иногда они возникали спонтанно, когда приезжали соратники из других городов и хотели рассказать о своей работе.

Важнейшая составляющая обсуждения – вопросы. Вопрошающие делились на три категории. Первая группа задавала вопросы «на понимание». Здесь что-то уточнялось: понятия, различия, контексты проблем, их постановка. Другая группа – вопросы-возражения. Здесь некто из зала в форме вопроса заставлял докладчика усомниться в только что сформулированном тезисе или положении. Эти две функции вопросов не следовало путать, и председатель всегда подчеркивал их различие. Заданный вопрос можно было объявить некорректным, нерелевантным. Иногда это фиксировал ведущий, иногда сам докладчик. (Рис.)

Третья группа вопросов – комментарии. Когда докладчик высказывал некий смысловой кусок, ему задавались вопросы, однако если вопрошающий или иной слушатель не были согласны, то им предоставлялось право высказать свое несогласие в развернутом виде. Комментарии бывали весьма обстоятельными, поскольку слушатели могли здесь высказывать самые различные

позиции и точки зрения. Никто не был обязан принять эти возражения, но если ты не принимал их, то должен был аргументировать, на каком основании отвергаешь высказанную критику. Забавно, что иной раз комментатор хотел похвалить докладчика, а тот, напротив, отвергал эту похвалу, поскольку высказывалось нечто для него неприемлемое. Комментарии могли по размеру превосходить услышанное от докладчика во много раз. Докладчик покорно сидел и молчал, требовал слова и не получал его, в зале возникали горячие дискуссии по поводу комментариев... Среди слушателей порой раздавались крики: «Даешь доклад!» «Дайте же человеку сказать!» Всем этим действием, мудро улыбаясь и слегка подначивая спорящих, искусно руководил председатель заседания.

Таким образом, обычный путь развития слушателя на семинаре состоял в том, что он начинал с вопросов на понимание, переходил к вопросам-возражениям, в какой-то момент отваживался на комментарии, дорастал до доклада, исполнял роль председателя... Вроде бы весь набор семинарских ролей были исчерпан. Но в этот момент Учитель, хитро прищурясь, предлагал ему организовать собственный семинар. «Где я возьму аудиторию, публику?..» – растерянно бормотал самонадеянный ученик. «Придумай!» – следовал ответ. И многие действительно придумывали!

Возникло целое семейство более мелких, локальных семинаров, которые собирались, как правило, у кого-то на квартире. Так была осознана еще одна – непубличная – роль организатора семинара, роль ее лидера, конечно, неформального. Он должен был, помимо прочего, куда-то вести свою группу, иметь собственную исследовательскую программу, разрабатывать конкретную тематику. Он

должен был вдохновлять людей, давать им для разработки какие-то вопросы, показывать их связность, задавать картину целого...

В конечном итоге любой семинарист осознавал, что исполняемые роли определяют то, что видишь и выделяешь в обсуждаемом материале. Делалось явным, что существуют различные позиции, и эти различия должны быть учтены при обсуждении всякого сложного, комплексного вопроса. Мышление выступало, в частности, как процесс хождения по этим позициям и учет разных контекстов. «Принцип позиционности», ментальный «топос» каждого участника крайне усложнял процесс обсуждения, но, по сути, отражал какое-то реальное социокультурное измерение процесса коллективного мышления⁶.

Оставалось последнее усилие – интериоризировать, сделать своим «внутренним голосом» этот развернутый во времени и пространстве процесс. Вот каким образом усваивалась технология *правильного* Мышления. Георгий Петрович часто повторял нам в аудитории: «Мышление, как говорил великий датский лингвист Йерген Ульдалль, встречается так же редко, как танец диких лошадей. Очень редко наблюдается, практически не тренируется, тут же распадается... Помните об этом!»

Что же в итоге? На вхождение в работу семинара уходило от трех до пяти лет; участник платит взносы, чтобы обеспечить перепечатку материалов дискуссии; обучение заканчивается открытием собственного домашнего семинара. Так и получалось, что зрителей было очень много, а подлинных участников семинара – мало. По моим критическим подсчетам, таких щедровитян – не более 30 человек.

В символическом смысле работа ММК понималась нами как «игра в бисер» (Das Glasperlenspiel). Герман Гессе дал необхо-

димый язык (перевод на русский язык его замечательного романа мы цитировали как собственный манифест): «Игра в бисер – это игра со всем содержанием и всеми ценностями нашей культуры»; «игра универсальна, она поднимается над специальностями»; «она проходит под руководством небольшого числа превосходных мастеров...»

Заповеди для тех, у кого мышление – образ жизни

Основная часть интериоризации мышления, как говорилось выше, состоит в том, что усваивается определенный образ жизни. Что же приносит адепту «игры в бисер» этот *modus vivendi*? Да ничего хорошего!

Мы знали, что мышление не есть *свойство, присущее человеку от рождения*. Понятно поэтому, почему внешние факторы так важны – чтобы можно было сохранять и приумножать это с трудом приобретенное качество. Более того, мышление не нужно социуму и не приводит к эффекту социального успеха. Скорее, напротив, ты обречен медлить и неизбежно отставать от необремененных строгими правилами коллег.

Наши неявные, но мощно тормозящие внешнюю активность познавательные установки выражались следующим образом: думай очень *много*, говори *время от времени, иногда* делай доклады, публикуйся *редко* (но метко!). Было ясно: публикация как итог мышления – *крайняя редкость!* По этой причине чтение текущей философской литературы мало что дает. Вспомни поучение Гераклита: «Многознание уму не научает!» Увы, он прав.

* * *

Что же остается сказать в заключение?

Советское «философское подполье» – весьма своеобразное социокультурное явление послевоенного времени. Оно закан-

⁶ О правилах семинарской работы см.: Кузнецова Н.И., Ойзерман Т.И. Кастальский ключ Георгия Щедровицкого // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 181–190.

чивается где-то к концу 1980-х годов и сегодня принадлежит прошлому. Его идейное наследие практически не освоено. Современная ситуация отменила необходимость в домашних семинарах. Можно собираться где угодно, и говорить что угодно. А мышлению легче не стало, скорее, наоборот. Сегодня такой трудоемкий семинар организовать просто невозможно. Нет желающих!..

«Общество потребления» и коммерци-

ализация науки неумолимо искажают научный этос. Те, кто избрал мышление как образ жизни, попали в ситуацию непреодолимого ценностного конфликта. Количество публикаций и прочие наукометрические показатели – единственное мерило твоего социального статуса и соответствующего дохода. Мышление попало в новую, но не менее тяжкую экологическую ситуацию. Возможно, бороться с засильем идеологии было проще.

Статья поступила в редакцию 07.03.16.

SOVIET PHILOSOPHICAL UNDERGROUND: PRACTICES OF SURVIVING

KUZNETSOVA Natalia I. – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Russian State University for the Humanities. E-mail: cap-cap@inbox.ru

Abstract. It is commonly recognized that after the departure of the infamous “philosophers’ steamer” in 1922, Russia inexorably declined into an epoch of “philosophical silence” due to the dictatorship of the Marxist-Leninist ideology, which forbade any kind of a *diverging* worldview. It is assumed that no original or significant ideas could have been expressed within that period of history. The author disputes the general thesis that there was no philosophy within the Soviet Russia. In 1960-1970s there appeared philosophical circles, informal leaders, the original research programmes and theoretical conceptions, and the most important – the genuine schools of philosophical thinking. The geography of the well-known “home seminars” is rather diverse: Moscow, Rostov-on-Don, Novosibirsk, Minsk. These groups and unions were not institutionalized, and their members had no social privileges. It can be said that there appeared an original sociocultural phenomenon – soviet philosophical “underground”. The paper analyzes the motives and behavioral patterns of the youth involved in such activity in such format. Special attention is paid to the activities of the Moscow Methodological Circle created by Georgy Shchedrovitsky. Shchedrovitsky’s seminars were aimed at reflection the means of thinking and embodied the idea that thinking is a collective effect.

Keywords: Russian philosophy, Marxist-Leninist ideology, informal philosophical unions, soviet philosophical “underground”, behavioral patterns, Moscow Methodological Circle, Shchedrovitsky’s seminar

Cite as: Kuznetsova, N.I. (2016). [Soviet Philosophical Underground: Practices of Surviving]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 5 (201), pp. 80-91 (In Russ., abstract in Eng.)

The paper was submitted 07.03.16.

